

не и нации, и обращение к коллегам и читателям, и творческое завещание — писатель всегда, каждым своим словом, создаёт некое произведение. Но всегда — рассказ о себе, о том, что побудило его стать писателем, утвердиться в своём призвании, не сломаться вследствие лишений, преследований и искушений (можно сказать, победить время). Нобелевская речь обычно — пример победы свободной личности над жестокостью власти и равнодушием общества. Поэтому, вероятно, эти речи порой пафосно-торжественны...

Хотя, согласно завещанию Нобеля, первым лауреатом премии по литературе был определён его любимый писатель Лев Толстой, из-за упорных заявлений Льва Николаевича о невозможности принять любую премию по личным убеждениям первым русским писателем стал Бунин. Его речь открывает русскую тему, русскую традицию в истории этой премии: "Но думал ли я девятого ноября только о себе самом? Нет, это было бы слишком эгоистично..."

И если сегодняшняя критика работы Нобелевского комитета основывается главным образом на том, что часто премии присуждаются по идеологическим соображениям, а писатель становится политической фигурой, с гениальным Буниным — при внешне политизированной ситуации — всё чисто. Отметим: при вручении премий за 1933 год зал Академии был украшен, против правил, только шведскими флагами — из-за нашего изгнанника, "лица без гражданства".

О том, как Иван Алексеевич произносил свою речь, вспоминает Галина Кузнецова: "Речи начались очень скоро. И.А. говорил, однако, очень поздно,

после того, как пронесли десерт... Он говорил отлично, твёрдо, с французскими ударениями, с большим сознанием собственного достоинства и временами с какой-то упорной горечью. Говорили, что, благодаря плохой акустике, радиоприёмнику и непривычке шведов к французскому языку, речь его была плохо слышна в зале, но внешнее впечатление было прекрасное. Слово *exilé* (франц. изгнанник. — Ред.) вызвало некоторый трепет, но всё обошлось благополучно".

Не обошли своим вниманием это присуждение и в большевистской России. 29 ноября 1933 года в «Литературной газете» появилась заметка «И.Бунин — нобелевский лауреат» (особенности орфографии по возможности сохраним):

"По последним сообщениям, нобелевская премия по литературе за 1933 год присуждена белогвардейцу-эмигранту И.Бунину.

Факт этот ни в какой степени не является неожиданностью для тех, кто пристально присматривается в течение последнего времени к подозрительной возне в литературном болоте эмиграции. Возня эта заметно усилилась с тех пор, как в 1932 году был пущен слух, что очередная премия по литературе будет отдана... Максиму Горькому. Наивные Митрофанушки всерьёз поверили, что буржуазная академия, для которой даже Л.Толстой оказался в своё время слишком страшным радикалом, увенчает нобелевскими «лаврами» пролетарского писателя, беспощадно разоблачающего ложь и гниль капиталистического строя и призывающего массы под знамёна ленинизма!

В противовес кандидатуре Горького, которую никто никогда и не выдвигал, да и не мог выдвинуть, белогвардейский Олимп выдвинул и всячески отстаивал кандидатуру матёрого волка контрреволюции Бунина, чьё творчество особенно последнего времени, насыщенное мотивами смерти, распада, обречённости в обстановке катастрофического мирового кризиса, пришлось, очевидно, ко двору шведских академических старцев" (цит. по: <http://www.temadnya.ru/spravka/11nov2003/3345.html>).

Приводим этот реликт лишь потому, что в недавнее время уважаемый горьковед, наш давний сотрудник и автор Павел Валерьевич Басинский не раз выступал с громогласными заявлениями о том, что Бунин чуть ли не выхватил Нобелевку из рук Горького, путём сложных и недостойных интриг перенацелив на себя "шведских академических старцев". Так, в "еженедельной газете интеллигенции" «Культура» (№ 26 (7639) от 10–17 июля 2008 г.) он заявил: "Премия вызывает зависть. В моей книге о Горьком (в серии «ЖЗЛ». — Ред.) есть пассаж о том, как, мягко говоря, дурно вёл себя уважаемый Иван Алексеевич Бунин, вышибая своих претендентов на Нобелевскую премию — Шмелёва, Мережковского, а главное, Горького. Во всех эмигрантских газетах он писал о Горьком-коммунисте, отлично понимая, что шведский король не будет из своих рук вручать награду тому, кто связан с людьми, расстрелявшими царскую семью (его родственников). Хотя именно Максим Горький, несомненно, был наиболее достоин премии, об этом писала даже Марина Цветаева, не любившая Горького".

Что можно противопоставить в газете газетным же обвинениям?! Прежде всего, газетную публикацию, что мы и сделали, приведя заметку из горьковско-сталинской «Литературки». О какой нобелевке Горькому в 1930-е годы можно говорить после такого заявления?! Коммунистические власти даже в 1950-е годы — ещё до истории с Пастернаком! — смотрели на эту награду, как чёрт на ладан. В следующих статьях о русских нобелевских речах приведём примеры. Впрочем, если у Павла Валерьевича есть документы, которыми он может подтвердить нобелевское превосходство Горького над Буниным (художественное превосходство определять не будем — литература не ЦК партии с генсеком и политбюро), готовы все доводы честно обсудить.

Редакция «Литературы»

Статья подготовлена на основе материалов, собранных Натальей ВИШНЯКОВОЙ.

РЕЧЬ БУНИНА

учреждения Нобелевской премии вы присудили её изгнаннику. Ибо кто же я? Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции, по отношению к которой я тоже навсегда сохраню признательность. Господа члены Академии, позвольте мне, оставив в стороне меня лично и мои произведения, сказать вам, сколь прекрасен ваш жест сам по себе. В мире должны существовать области полнейшей независимости. Несомненно, вокруг этого стола находятся представители всяческих мнений, всяческих философских и религиозных верований. Но есть нечто незыблемое, всех нас объединяющее: свобода мысли и совести, то, чему мы обязаны цивилизацией. Для писателя эта свобода необходима особенно, — она для него догмат, аксиома. Ваш же жест, господа члены Академии, ещё раз доказал, что любовь к свободе есть настоящий религиозный культ Швеции.

И ещё несколько слов — для окончания этой небольшой речи. Я не с нынешнего дня ценю ваш королевский дом, вашу страну, ваш народ, вашу литературу. Любовь к искусствам и к литературе всегда была традицией для шведского Королевского Дома, равно как и для всей благородной нации вашей. Основанная славным воином, шведская династия есть одна из самых славных в мире. Его величество король, король-рыцарь народа-рыцаря, да соизволит разрешить чужеземному, свободному писателю, удостоенному вниманием Шведской академии, выразить ему свои почтительнейшие и сердечнейшие чувства".